

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РУССКАЯ КЛАССИКА

Сборник статей
к 85-летию со дня рождения
и 60-летию научной деятельности
члена-корреспондента РАН
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СКАТОВА

Редакторы-составители
Андрей Дмитриев и Юрий Прозоров

Санкт-Петербург
2017

- ¹⁷ Николай Михайлович Рубцов (1936–1971) — поэт. Трагической кончине поэта Белов посвятил стихотворение «На смерть Николая Рубцова», которое из-за цензурных препон было опубликовано только в 1990 году (Север. 1990. № 6).
- ¹⁸ Валерий Александрович Гаврилин (1939–1999) — композитор. «Судьбу музыканта Гаврилина можно сравнить с судьбой поэта Рубцова. Валерий Гаврилин и Николай Рубцов — оба плоть от плоти русской национальной культуры. Оба они соразмерны по таланту, сходство их личных судеб очевидно, и оно просто потрясает. Трагична была их жизнь и смерть» (Белов В. И. Голос, рожденный под Вологодой: Повесть о композиторе Валерии Гаврилине // Наш современник. 2004. № 9. С. 15).
- ¹⁹ Свод выступлений писателя на эту тему см.: В. И. Белов о русском языке // Народное слово в произведениях В. И. Белова: Словарь. Вологда, 2004. С. 146–215.
- ²⁰ Помимо известного познавательного характера книг этой серии, для писателя была важна и идеологическая направленность некоторых авторов: «ЖЗЛ традиционно возглавляли люди неслучайные <...> Пересматривалась история литературы... Пересматривалась русская история. Патриархальность, православию, добродушная обломовская лень — все эти явления, коренные в нашей истории, в оценке авторов меняли знак с отрицательного на положительный» (Казинцев А. Патриоты и бюрократы // Наш современник. 2015. № 11. С. 164).
- ²¹ Неприятие этого лингвистического явления писатель использовал для негативной характеристики персонажа романа «Все впереди»: «Начальные буквы длинного, тоскливо-бюрократического названия довольно сносно напоминали старинное женское имя. Грузь не замедлил с преобразованием, и вот родилась “Аксютка”, которую уже много месяцев воспитывала в своем духе вся группа. Сам Медведев терпеть не мог сокращенных названий. Он говорил, что аббревиатура не напрасно рифмуется с халтурой, что ей всегда сопутствуют лень, бездарность, бестолковщина и обман, что сокращенные названия повсюду лишь прикрывают жалкую посредственность. По его мнению, полнокровными словами выражаются полнокровные и явления, а выхолащенный язык превосходно отражает дурные свойства самой жизни.
- Добродушно-ехидный Грузь частенько развлекал группу тем, что нарочно для Медведева придумывал новые несуразные аббревиатуры» (5, 50).
- ²² Так в тексте.
- ²³ Тарасов Б. Н. Паскаль. М., 1979 (и переиздания 1982 и 2006 гг.).

«КОНЕЧНО, ЧИТАЯ, Я ПЛАКАЛ...»

(Из писем Глеба Горышина Василию Белову)

Предисловие и публикация А. Г. Гродецкой

Ленинградский прозаик Глеб Александрович Горышин (мой отец) с Василием Ивановичем Беловым был дружен много лет. Сожалею, не могу сказать, когда началась эта дружба, но точно знаю, что продолжалась она до смерти отца в апреле 1998 года. Белов приехал из Вологды на его похороны, я хорошо помню его среди сугробов в ту

морозную весну, 15 апреля, на кладбище в Комарово, да и на прощальных фотографиях, сделанных А. В. Пантелеевым, Белов стоит рядом с друзьями Глеба — А. М. Панченко, Б. Н. Сергуненковым, Е. В. Кутузовым.

Василий Иванович сохранил немногие письма Глеба,¹ связанные в основном с его публикациями в журнале «Аврора», главным редактором которого Горышин состоял в 1977–1982 годах, а до того, с 1973-го, возглавлял в журнале отдел прозы. В нескольких письмах за 1973 год отразилась непростая история прохождения через редколлегию «Авроры»² и Горлит повести «Целуются зори», из чего следует, что к Белову с просьбой о присылке прозы Горышин обратился в первый же год работы в журнале. О поддержке «Зорь» ему пришлось просить М. А. Дудина, В. К. Кетлинскую, Б. И. Бурсова, о чем он и сообщает Белову, отправляя в Вологду весной 1973-го отзывы Дудина и Кетлинской.³ Повесть была наконец одобрена и напечатана в 11-м номере «Авроры».⁴ И позднее Горышин постоянно напоминал Василию Ивановичу о необходимости его присутствия в журнале. «Очень прошу тебя, пришли что-нибудь свое. <...> Пришли хоть несколько страничек. Сядь и напиши — по дружбе», — пишет он 24 сентября 1973 года.⁵ Или — в конце лета 1974-го: «Милый Вася! Что-то последнее время я стал вспоминать тебя, и прежде всего потому, что нет тебя в “Авроре”, а я еще есть в этом органе, и признаюсь, мне в нем скучно без твоего участия. Вот твой друг

¹ См.: ГАВО (Гос. архив Вологодской обл.). Ф. 5134 (В. И. Белов). Оп. 1. Д. 121. Сохранились и в архиве Горышина (наследников) не публиковавшиеся письма Белова.

² В редколлегию журнала при главном редакторе В. В. Торопыгине в эти годы входили: В. Алексеев, О. Берггольц, В. Ветрогонский, Г. Горышин, В. Дмитриевский, М. Дудин, В. Житнев, П. Капица, В. Кетлинская, В. Максимов, Б. Никольский, А. Островский (зам. главного редактора), А. Рошин, Ю. Рыхтэу, А. Самойлов, М. Хомутов, А. Шарымов (отв. секретарь), В. Шошин.

³ См.: ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–2; б/д; датируются апрелем–маем 1973 г. по содержанию.

⁴ Белов В. Целуются зори: Повесть // Аврора. 1973. № 11. С. 38–55. Получив сигнальный экземпляр, Горышин писал Белову: «Вышел сигнальный номер с “Зорями”, и я было порадовался за тебя, за себя и за судьбу моего журнала, но тут же и огорчился, споткнулся на первой фразе. У тебя написано было “спеют травы”, наши же грамотеи на каком-то перегоне, на каком-то волоке, на длинном тягостном пути от слова живого авторского до слова печатного переправили “спеют” на “злеют”. Так и напечатано: “злеют травы”. И это будет мучительно для тебя, будь готов и к этому» (ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 121. Л. 4). Первая строка повести действительно выглядит так: «Днями в полях злеют на солнце многоцветные травы» (Аврора. 1973. № 11. С. 39).

⁵ ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 121. Л. 3.

Макарыч стал самым исправным нашим автором. В №№ 7, 8 пошли его вещи». ⁶ Речь идет о напечатанных в 1974 году в «Авроре» рассказах Шукшина «Рыжий» и «Кляуза: Опыт документального рассказа». ⁷ Ранее «исправным автором» в «Аврору» был прислан рассказ «Осенью». ⁸ В 1975 году Горышин под одной журнальной обложкой поместил и рассказ Шукшина «Приезжий», и небольшой очерк Белова «Утром в субботу: Из записной книжки». ⁹

В 1979 году сложно проходил цензуру рассказ Белова «Дневник нарколога». По мнению «лиц, которые решают», как извещал автора Горышин, «насильственное заключение советских граждан в дурдом не проходит». При этом он убеждал адресата: «Рассказ необходимо напечатать, надо ему помочь быть напечатанным. При сокращениях будет соблюдена наивозможная в данных условиях умеренность. Какой-либо правки, разумеется, не будет». ¹⁰ После ряда согласований рассказ появился на страницах журнала. ¹¹

Глеб был профессиональным читателем современной литературы, к этому его обязывала редакторская должность, и особенно неравнодушным — к той ее части, которая была ему близка по духу. Он следил за публикациями в «толстых» журналах — и ленинградских, и московских, и провинциальных. Любовь к русской провинции, не в узко-социальном, разумеется, смысле, но в самом глубоком — как потребность обращения к национальным истокам, к природным и человеческим основам жизни, к природной русской речи — отличала Горышина, во втором поколении ленинградца, как и любовь к странствиям по бескрайним русским широтам, которые он во всех направлениях, кажется, исходил и изъездил.

Свой творческий путь Глеб Горышин начал на рубеже 1950–1960-х, в оттепельную пору, его ранние рассказы были отнесены критикой к разряду «лирической прозы», которая трудно, с жестким противодействием утверждала себя в те годы в литературе. Психологическая чуткость, обнаженность авторского лирического «я», а вместе с чуткостью и честность авторской позиции — все это уводило от упрощенно понимаемой социальности. Деревенская проза, утверждавшая себя в те же годы, не могла не сближаться с прозой лирической.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Аврора. 1974. № 7. С. 50–51; № 8. С. 76–78.

⁸ См.: Шукшин В. Осенью: Рассказ // Там же. 1973. № 7. С. 38–41.

⁹ Там же. 1975. № 6. С. 19–23, 38–41.

¹⁰ ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 121. Л. 6 об.

¹¹ Белов В. Дневник нарколога // Аврора. 1979. № 12. С. 16–27.

Не раз Глеб делится в письмах Белову впечатлениями о только что прочитанных его произведениях. «Вася, да, конечно, — пишет он 1 июля 1994 года, — где уж тут читать, тем более с пользой и удовольствием; эти атаквистические замашки отпадут, их нет у тех, кто нынче крутится на виду. А все же более сладостного дела, чем чтение хорошей литературы, я не знаю. Ну вот, разве еще посадить огород». ¹² Письмо от 20 марта 1995 года начинается рассказом: «Я жил несколько дней в Комарове, на даче Литфонда <...>, и мне как будто кто-то шепнул: сходи в библиотеку. Пошел в поселковую библиотеку, взял № 10 “Нашего современника”, поехал в Питер на электричке, пропахшей корюшкой, с красномордыми, малость пьяными корюшниками, читал твоих “Киников и симплициусов”. <...> Кстати, ты все стенаешь, что вот, отвлекся от рассказа, сел за статью. А это и есть твой рассказ, то есть то лучшее, чего сейчас ждут от тебя. Твоей статьи мне как раз хватило от Комарово до Удельной, хотя корюшники сильно бубнили. Признаться, я бы и еще почитал». ¹³

Письма, наряду с дневниками, разного рода записями, записками, Глеб любил — как свободную художественную форму, раскрепощающую от заданных сюжетных конструкций, и, не в последнюю очередь, свободную от идеологических предписаний. Он ценил живую подлинность документа и неоднократно чужие письма и дневники публиковал. Он издал, например, многолетние записи наблюдателя поста гидрометслужбы на Телецком озере Н. П. Смирнова, ¹⁴ с которым был знаком с первых лет работы на Алтае после окончания в 1954 году факультета журналистики ЛГУ, хронику плаваний «величиною в целую жизнь» исследователя Арктики Е. Н. Фрейберга, ¹⁵ «карачаровские записи» И. С. Соколова-Микитова, ¹⁶ у которого в Карачарове не раз гостил. О публикаторской работе — его рассказ «Чужие рукописи», который завершается признанием: «Чужие рукописи остаются с нами, как наши сердечные боли». ¹⁷

Рассказ вошел в книгу Горышина «Жребий: Рассказы о писателях» (СПб., 1987). В этой книге помещен и очерк о Василии Белове

¹² ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 121. Л. 11.

¹³ Там же. Л. 13, 14. Речь идет о публикации: Белов В. Циники и симплициусы: Очерк // Наш современник. 1994. № 10. С. 3—17.

¹⁴ Горышин Г. Не только о погоде: Алтайские дневники // Нева. 1984. № 9. С. 5—59.

¹⁵ Фрейберг Е. От Балтики до Тихого / Предисл. Г. Горышина // Звезда. 1984. № 11. С. 5—68.

¹⁶ Соколов-Микитов И. Из карачаровских записей: Дневник писателя / Публ., предисл., коммент. Г. Горышина // Новый мир. 1991. № 12. С. 164—178.

¹⁷ Горышин Г. Жребий: Рассказы о писателях. Л., 1987. С. 59.

«Калория».¹⁸ Рядом с Беловым в рассказах о писателях — И. С. Соколов-Микитов и М. М. Пришвин, Федор Абрамов, Алексей Ливеровский, Михаил Слонимский, Борис Иванович Бурсов, литературные учителя Глеба и его старшие товарищи. Из современников — Василий Шукшин, Виктор Курочкин, Виктор Голявкин, Юрий Казаков.

В очерки о Шукшине и Казакове Глеб включил их письма, ему адресованные. В «Калории» писем Белова нет, и это объясняется просто — переписка продолжалась, до ее завершения было очень еще далеко. Получив от Василия Ивановича письмо с приглашением приехать в его родную деревню Тимониха, автор отправляется в неблизкий путь, и из города Харовска его довозят до беловского дома, где и встречает Горышина его сказочный герой: «Василий Иванович сидел у окошка в своей избе-тереме высоко над землей, над травой-муравой. Изба его широка в груди и плечах, из таких она срублена сосен, каких теперь и не встретишь в наших лесах. <...> Ну вот, я приехал на родину поэта, вот и сидит у окошка на лавке поэт, Василий Иванович. И все идет как по писаному в этот момент общения к первоисточку, к почве поэзии...». «В окне дома над вековой березой мелькнуло лицо, и вот уже на крылечко выбежала и прижалась к груди сына мать Анфиса Ивановна. Она выбежала босая, в простеньком платье, и лицо ее было удивительно просто — круглое, в девичьих конопушках, русые, такие же, как у сына, волосы мягко, будто платочек, округляли голову...». «И хотя, с одной стороны, — продолжает рассказчик, — я находился у друга в гостях, но, с другой стороны, чувство заповедности сего места не оставляло меня...».¹⁹ Природа деревни Тимонихи, однако, совсем не сказочна. Горышин и Белов отправляются на рыбалку, и лес вокруг — «волглый, еловый, сплошь заваленный мертвыми чурками и хлыстами, опутанный лишаями. К прогулкам, отдохновению и любованию этот лес мало располагал».²⁰ Совсем не приветливо, а мрачно-тревожно и озеро возле деревни. «Озеро у нас бездонное, да ветреное, с норовом»,²¹ — предупреждает Анфиса Ивановна, рассказав, как накануне в нем утонули два рыбака. Когда Белов вернулся с озера, «то ли его лицо потемнело, то ли поголубели глаза — они заметнее стали, и читалась в них явственной, что ли, строгость души».²² Вспо-

¹⁸ Горышин Г. Калория. Василий Белов // Там же. С. 87—101. Ранее: Горышин Г. Этим летом: Повесть. Рассказы. Заметки. Л., 1975. С. 217—233; Горышин Г. По тропинкам поля своего: Странствия. Размышления. Л., 1983. С. 292—306.

¹⁹ Горышин Г. Калория. Василий Белов. С. 88—89, 90.

²⁰ Там же. С. 93.

²¹ Там же. С. 94.

²² Там же. С. 98.

миная один из эпизодов своей послеблокадной ленинградской юности — старую женщину, которая берегла каждую «калорию», автор очерка калориями называет и те редкие, хрупкие источники тепла и света, которые жизненно необходимы в таежных северных краях.

Письма Горышина охватывают два с лишним десятилетия, в них отразились разные этапы творческой биографии как его собственной, так и Василия Ивановича Белова.

В публикуемом ниже письме от 3 июня 1994 года Глеб признается, что, читая в «Нашем современнике» роман Белова «Год великого перелома»,²³ он не мог не плакать. Он вспоминает подробности — «подвиг» мерина Карько, которому после ареста хозяина, вызванного в Вологду на суд, чудом удалось вырваться из милицейского заключения и вернуться домой, в деревню. Вспоминает «воздух руководящих кабинетов», тех страшных кабинетов вологодского ОГПУ, в которых решала судьбы людей, как определяет ее Белов, «набухшая слезами и кропленная кровью, насквозь пропитанная народным потом канцелярщина».²⁴ И наконец — подлинный ад последних сцен книги, повествующих о том, как из Архангельска на берега Печоры пароход «Сайда», переименованный в «Яна Фабрициуса», перевозит «живые дрова истории» — раскулаченных и осужденных крестьян. И здесь нельзя не процитировать Белова: «В беспросветных трюмах копошилось живое человеческое месиво. Ежели и бывает ад на земле, то это и есть трюмы, набитые человеческими телами. <...> ОГПУ приказало закрывать люки брезентом. По тем, кто будет пытаться вылезти из трюма в ночную пору, охрана была обязана стрелять без предупреждения. Но что значит ночное время в конце июля за полярным невидимым кругом? Океан, несколько суток качавший “Яна Фабрициуса”, застыл и, равнодушный, уснул. Солнце свершало свои круги раз за разом, никаких ночей не было. Стоны и вопли, долетавшие из пароходного чрева, сопровождавшие килевую качку, начали понемногу спадать, когда океан заснул. Усатая нерпа всплыла из серой ровной воды, удивленно взглянула на пароход и булькнула снова. Водный волдырь от ее всплытия сравнялся до подхода пароходной волны. Глухо и монотонно шумела машина, нигде не видно никаких “иностранцев”, которые не должны знать о грузе “Яна Фабрициуса”. Двое красноармейцев оба сразу кляцнули затворами мосинских винтовок, когда брезент одного из люков слегка приоткрылся. Чья-то голова мелькнула и скрылась, но

²³ Белов В. Год великого перелома: Роман. Часть третья // Наш современник. 1994. № 1. С. 11–51; № 2. С. 7–51.

²⁴ Там же. 1994. № 2. С. 41.

крик со словами “возьмите покойника!” успел пролететь над палубой. Один из охранников остался на месте, другой подошел к люку, отбросил брезент. На часового пахнуло тяжким запахом подсланных вод, смешанных с блевотиной и человеческим калом».²⁵

«Тебе хватило духу написать и эти сцены, не роняя высоты искусства...», — пишет Белову Горьшин.

Глеб Александрович был дружен с Николаем Николаевичем Скатовым и в течение десяти лет, с 1988 по 1998 год, состоял членом редколлегии пушкинодомского журнала «Русская литература».

Письмо Горьшина к Белову печатается по подлиннику: ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 121. Л. 9—9 об.; автограф; конверт: Л. 10—10 об.; датируется 3 июня 1994 г. по почтовому штемпелю.

Василий, батюшко,

прочел в «Нашем современнике» твой «Год» и решил тебе написать. Не для того, чтобы «выразить мнение» или получить от тебя ответ. Просто хочется поделиться впечатлением, а не с кем, кроме как с тобой. Читая «Год», я испытал те чувства, какие возбуждает литература, когда она настоящая. Прежде всего я побывал в настоящей России, где может быть такое никому неведомое чудо, как лестница, поющая даже от кошки,¹ где мерин Карько совершает подвиг, непосильный разумному существу. И многое, многое другое — экий лад в слове, слоге, тоне. И, пользуясь легкостью, с которой В. Белов перемещается из одного слоя жизни в другой, с удовольствием посидел в компании ученых мужей на ледоколе.² Так жалко было увидеть писателя Соколова-Микитова и тотчас потерять из виду.³ Так интересно и противно подышать воздухом руководящих кабинетов с их запахом чеснока.

Представляю себе, как трудно было писать последние сцены книги, с их калом и блевотиной, за пределом человеческого, куда, кажется, не стоит соваться литературе (последний роман Астафьева доказал: не хватает духу, не стоит, не надо).²⁹ Тебе хватило духу написать и эти сцены, не роняя высоты искусства, на великолепном в своем безразличии фоне ледовитого океана, ледовитой земли, вечного негреющего солнца. Показав людей за гранью унижения, ты никого из них не уронил. Конечно, читая, я плакал, а стало быть, получил так нужные, такие драгоценные калории сочувствия, изумления перед высотой человеческой.

²⁵ Там же. С. 41—42.

Так что вот спасибо тебе. На чем и кончаю. Жду продолжения, хотя ежечасно чувствую, понимаю, как мало осталось всем нам.

Твой Г. Горышин.

На конверте: Вологда, ул. Мальцева, д. 19, кв. 26. Белову Вас. И.

Адрес отправителя: 191186, Санкт-Петербург, канал Грибоедова, д. 9, кв. 98. Горышин Г. А.

Погтовые штемпели: С.-Петербург, 03.06.94; Вологда, 06.06.94.

- ¹ Речь идет о деревянном доме в Вологде, куда приезжает из голодной раскулаченной деревни девушка-выселенка Авдошка: «Авдошка никогда не видела таких больших деревянных домов, таких резных дверей и оконных наличников. <...> Дом, где жила тетя учительницы, был тоже красивый, из двух этажей. Лестница, устланная цветной домотканой дорожкой, скрипела даже от кошки, зато чистая и крашенная» (Наш современник. 1994. № 2. С. 18).
- ² Имеются в виду ледокол «Георгий Седов» и беседующие в кают-компании на его борту исследователи Арктики О. Ю. Шмидт, В. Ю. Визе и Р. Л. Самойлович (Там же. С. 38–41; гл. X).
- ³ Корреспондент «Вечерней Москвы» на ледоколе «Георгий Седов» «писатель Соколов-Микитов» упомянут в рассказе о плавании ледокола (Там же. С. 40).
- ⁴ Речь, по всей видимости, идет о романе «Прокляты и убиты» (1990–1994).